

18+

Давид Павельев

СЛИШКОМ ЛЁГКАЯ ДОБЫЧА

Давид Павельев

Слишком лёгкая добыча

«Издательские решения»

Павельев Д.

Слишком лёгкая добыча / Д. Павельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852923-8

Частный детектив Пётр Беркутов не только настоящий профессионал своего дела, но и тот, кто не даст в обиду слабого и незащищённого. Он слишком хорошо знает, что в поглощённом суетой мегаполисе, где на благодатной почве безразличия всходят обильные плоды преступления, у него слишком много работы, и потому всегда готов прийти на помощь тому, кто в ней нуждается. На сей раз ему придётся столкнуться с бандой «чёрных» риелторов.

ISBN 978-5-44-852923-8

© Павельев Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Слишком лёгкая добыча

Давид Павельев

© Давид Павельев, 2020

ISBN 978-5-4485-2923-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Я вышел из офисного центра и увидел то, что и рассчитывал увидеть – мужика, задравшего голову кверху и с неприкаянным видом уставившегося на одну из рекламных вывесок над входом. Даже если бы реклама была написана китайскими иероглифами, он всё равно таращился бы на неё, будто бы она была одним из портретов кисти Боттичелли.

За этим же занятием я застал его и утром. Святая наивность полагала, что я не обращаю на него никакого внимания. Я не стал ему мешать и спокойно прошёл мимо него в здание. Мне предстоял очередной скучный день, так как в это время я не был занят поиском пропавших без вести или слежкой за субъектом, которому есть что скрывать. Потому я мог бы убраться отсюда задолго до вечера, тем более, на дворе было лето, а в багажнике меня ждали прекрасные удочки, подаренные недавно бывшими коллегами в благодарность за услугу. Но по такому случаю я решил задержаться в офисе. Пусть товарищ пожарится на солнышке и из него выйдет вся дурь.

Сидя в своей конуре, я размышлял, кто он такой и чего ему может быть от меня надо. Внешний вид его можно было назвать примечательным, но вся его примечательность заключалась именно в отсутствии всякой примечательности. Абсолютно бесцветная внешность без единой приметы, способной зацепиться в памяти. На нём была линиялая чёрная рубашка, которую в такую жару мог надеть либо самоистязатель, либо тот, кому надеть больше нечего. Поверх неё он носил потёртый джинсовый жилет со множеством карманов – такие мне всегда напоминаю броники, которые мы надевали на время спецопераций. На маленькой голове плотно сидела бейсболка, такая же чёрная, как рубашка. С определением его возраста у любого человека могли возникнуть трудности, так как мужчины подобного типа похожи на подростков, смахивающих на стариков. Но я всё-таки обладал кое-каким опытом, и потому понял, что мы с ним почти ровесники. Скорее всего, он всё-таки младше меня на пару лет, и ему не так давно стукнул сороковник.

Сумасшедший? «Да у тебя, однако, завышенная самооценка, – сказал я себе. Не такая уж я знаменитая персона, чтобы привлекать к себе личностей с маниакальными расстройствами и навязчивыми идеями.

Скорее всего, его направили ко мне бывшие коллеги. Среди них полно шутников. В своё время из-за их шуток меня и выперли из органов. Многие из них и теперь не против мне насолить. Также существовала вероятность, что он обратился в дежурную часть с какой-нибудь мелочью, заниматься которой им запахло, и они послали его ко мне. А так как избытка денег у него явно не наблюдалось, он и мялся под дверью, не решаясь ко мне обратиться. Но я почему-то не очень в это верил.

Через пару часов я всё-таки решил, что с нас обоих хватит. Если мужик окажется стойким, как оловянный солдатик, я выясню, чего ему надо. Вдруг он просто хочет спросить, сколько я тренировался, чтобы накачать мускулатуру.

И он оказался стойким. Впрочем, я почему-то не удивился.

– Приятель, – окликнул его я, так что он вздрогнул, будто бы не поверив своим ушам. – Да, я к тебе обращаюсь. Огоньку не найдётся?

В такую жару курить мне не хотелось, тем более что я не так давно это дело бросил и таскал сигареты лишь для подобных случаев. Никто не придумал лучшего способа завязать разговор с мужчиной, да и с некоторыми дамами тоже.

Он посмотрел на меня глазами испуганной коровы и отрицательно мотнул головой.

– Н-не к-курю...

– Это правильно. – Я с облегчением убрал сигареты обратно в карман. – Здоровье надо беречь. Не запарился в чёрном-то?

- Да нормально... Я всегда так хожу.
- Чего ты вообще тут торчишь? Ждёшь кого-нибудь?
- Нет, нет, я... просто гуляю...

– А чего тогда надо? Не бойся, обращайся. Я мужик простой, чем могу, помогу.

Я хорошо знал, что такой вопрос многих может вогнать в ступор. Так было и на этот раз.

– Ну... я просто хотел с вами познакомиться.

– О'кей. Беркутов Пётр Николаевич. Можно просто Пётр. – Я протянул ему руку и пожал его мягкую и тёплую, не ведающую труда, ладонь.

– Белковский Марк Нафанаилович, – произнёс он с достоинством и добавил: – Марк – это в честь известного писателя Марка Алданова.

– Ну что, Марк Нафанаилович, познакомились?

Он растерянно кивнул. По сути я сказал ему: «Ну, чего хотел, то получил. Доволен? Тогда я пошёл. Будь здоров!» Но этого ему явно было недостаточно. Он понимал, что я несколько не горю желанием продолжать знакомство и тратить вечер на общение с ним. И понимание этого почему-то причиняло ему боль.

Я не хотел его жалеть. Каким бы жалким ни казался человек, я стараюсь не думать о нём с жалостью потому, что я не хочу никого унижать. Всё-таки он мужчина, у которого должно быть чувство собственного достоинства, уважать которое – мой священный принцип. Если у него такого чувства нет – а я знал, что многие живут и без него и даже находят в этом что-то привлекательное, питаюсь чужой жалостью, извлекая из неё выгоду и по сути паразитируя – то с ним всё равно надо вести себя так, будто бы оно у него есть. Человека нужно возвышать над собой, и ни в коем случае не наоборот.

Так вот, если возникшее во мне чувство к нему и не было жалостью, то оно было чем-то близким к ней. Это был сорокалетний мужчина, гордившийся тем, что его называли в честь известного писателя, будто бы это делало его таким же, как он, и гордость эта казалась смешной. Это был сорокалетний мужчина, который неизвестно зачем проторчал весь день под дверью офисного центра, которому явно больше нечего делать. Сотни его ровесников приезжали на машинах-иномарках, он же явно пришёл пешком – по его ладони я понял, что руль он не держал как минимум неделю, а судя по всему, никогда в жизни. Здесь, на пороге делового центра, он казался чужим и лишним. И пусть я сам против того, чтобы гнаться за внешним успехом и презрительно фыркать на «неудачников», но и я не мог относиться к нему с уважением – от него никому нет никакой пользы.

Однако бросить его просто так я тоже не мог. Его явно что-то тяготило. Может быть, какой-то пустяк, а может быть, нет. Как ни крути, лучше бы выяснить это, а там уже решать, кто должен ему помогать: детектив или психотерапевт.

– Слушай, ты, видать, далеко живёшь, – сказал я.

– На Ломоносовском проспекте, – ответил он с той же гордостью, будто бы это должно было поднять его авторитет.

– Долго же ты сюда тащился. Ну, ладно, чтоб хоть не зря приезжал, залезай, подвезу.

Отказываться он не стал, хоть я и ожидал, что для приличия он всё-таки слегка поломаётся. Мы сели в машину и я тронул в сторону Третьего кольца, половину которого предстояло проехать. За время поездки он мог бы расписать мне каждый день всей своей жизни с пелёнок, да ещё осталось бы время поговорить о погоде и политике. Но вытягивать из него суть проблемы можно было только клещами, так что начать разговор я решил издалека, с вполне естественных вопросов, которые помогут мне составить представление о его существовании.

– В козырном же районе, однако, живёшь, – сказал я. – Я вот в Западном Дегунине обитаю. До ближайшего метро три дня лесом пиликать. А у тебя хоть и не центр, но всё равно местечко престижное.

– Квартира отцовская, – ответил он. – Он академиком был, историком.

Ну да, в этом районе давали квартиры преподавателям университета.

– А ты сам как? Жена? Дети?

– В разводе. Детей нет.

В принципе, я мог бы об этом и не спрашивать.

– Кто инициатор?

Он махнул рукой, демонстрируя нежелание говорить на эту тему, и я сразу понял, что его проблема имеет к этому непосредственное отношение. Но дожимать я его не стал, решив вернуться к теме позже, когда он для этого созреет.

– Ладно. А с работой как? Чем занимаешься? На хлеб зарабатываешь?

– Коммерцией, – ответил он с горькой усмешкой.

– Вот как!

– Да. Продаю книги. У отца была огромная библиотека, десятки тысяч томов. Теперь вот мне приходится распродавать... Тысяч десять в месяц выручить можно. Сердце кровью обливается, конечно. Но выживать как-то надо. С тех пор как потерял работу.

– И давно?

– Второй год.

– Кем работал-то?

– Научным сотрудником в институте средневековой истории. Как сейчас помню, вызывает меня к себе директор института. Я думал, что как обычно, хочет что-то спросить про Карла Великого. У меня же память, как говорят, феноменальная, так что я такие мелочи могу запомнить, что аж весь институт у меня консультировался. Так вот, захожу я к директору, а он меня, так сказать, ставит в известность, что начались реформы, реорганизация академии наук и всё такое прочее, финансирование урезают, а значит, я попадаю под сокращение сотрудников и до свидания, спасибо за верную службу... Вот так вот...

Кажется, мы набрали на фонтан откровений в пустыне его природной скрытности. Несправедливость – это как раз то, о чём все будут говорить с большой охотой. Я не стал прерывать его излияний, но и слушал в пол уха, иногда кивая. В общем, тут с ним всё было ясно: я знавал многих, подобных ему – вечных аспирантов, вечных лаборантов и младших научных сотрудников, которые знают, в каком году, какого числа и в котором часу очередной Людовик завалил какого-то по счёту Генриха и какого цвета доспехи были на обоих, но не знают, чего они всё-таки хотят в этой жизни. Никто из тех, кого я знал, не делал никаких научных открытий, не становился учёным с мировым именем, и никакого толку никому, включая их самих, от их познаний не было. Разве что попади кто-нибудь из них на телеигру «Кто хочет стать миллионером», шансы выиграть будут высокими, да только туда уже давно пускают одних актёров и певцов.

Одним словом, мой новый знакомый был из тех, кого brutальные мужики вроде меня называют «ботаниками».

– Это было до развода или после? – перебил его я.

– После. Она ушла три года назад.

Тяжёлый случай. Через пять минут я начну удивляться, что она так долго его терпела.

– А чего ты на другую работу не устроился? – спросил я.

Этот вполне невинный вопрос привёл к взрыву.

– Ну вы что, меня не слышали всё это время? Это уникальный институт! Нигде больше мои знания не нужны. Я мог бы пойти в школу учителем, но у меня же нет специального образования, а получать его – это время и деньги. Как они могли так со мной поступить! И это за то, что я почти всю жизнь отдал ему, отдавал всё своё свободное время.

– Я не это имел в виду. Неужели молодой здоровый мужик не найдёт, чем заняться?

– Грузчиком, что ли?

– Хоть бы и грузчиком.

– Вы меня поражаете! Я всю жизнь занимался интеллектуальной работой, потому что имею к ней способности. Так почему же я должен заниматься трудом физическим? Вы думаете, что если работа не требует квалификации, ей может заниматься кто угодно. Но это в корне не верно. Этой работой должен заниматься тот, кто не может получить квалификацию.

– Значит, дураки?

– «Дурак» – это оскорбительное слово. Человека без способностей нужно не оскорблять, а научить принимать себя таким, каков он есть. Но в целом вы правильно сказали.

Теперь его потянуло на философию. Всех нас тянет на философию, когда нужно себя оправдать.

– К тому же, почему вы решили, что я здоров?

Дальнейшая дорога до его дома прошла за перечислением его болячек. Оказалось, что медицинский справочник он знает отнюдь не хуже, чем легенды о короле Артуре, а симптомы болезней он распознаёт даже лучше, чем гербы рыцарских династий. К врачам он, разумеется, ни разу не обращался, в виду сомнений в их компетентности и недоверия к системе здравоохранения в целом. Дальше он принялся поражать меня глубиной познаний в нетрадиционной медицине.

– Я внимательно изучил китайские методики иглоукалывания – ещё когда работал в институте, наткнулся на древние китайские манускрипты. Это, должен признаться вам, очень помогает мне справиться с бессонницей и головной болью. Если хотите, я могу подробно вам описать, в какие точки нужно колоть...

– Не стоит. На мне и так живого места нет.

Мы уже подъезжали к Ломоносовскому проспекту по Ленинскому, и я спросил его, в какую сторону поворачивать. Он удивился, потому что, увлечённый разговором – ему явно не часто удавалось с кем-нибудь поговорить – не заметил этого.

– Я живу в доме на самом углу, – сообщил он.

«Какое облегчение! – подумал я. Моего терпения не хватило бы на ещё один квартал.

– В общем, Пётр Николаевич, – произнёс он скорбным голосом, когда я остановился возле подъезда, – наверно, мне недолго осталось.

После этих слов я почувствовал к нему злость. По всем законам театрального искусства нечто действительно важное он оставил для финальной реплики. Но потом я вспомнил, что как собака не может не вилять хвостом, так и интеллигенты не могут не ходить вокруг да около. Да и дело, как я полагал, было не только в его стеснительности. Просто он сам для себя ещё не сформулировал причину своей тревоги, и она давила на него всей своей тяжестью, не осознанная и от того ещё более пугающая.

– С этого момента давай подробнее.

– Тогда, может, подниметесь? – просиял Белковский.

Мне пришлось согласиться, хоть я и потрачу на него ещё часа как минимум три.

– Это прекрасная, и, к сожалению, давно в наш век забытая традиция ходить друг к другу в гости, – щебетал он, пока мы поднимались по лестнице. – Только у меня нет ничего выпить...

– Ничего. Я не пью, – буркнул я. Белковский, насмотревшийся «улиц разбитых фонарей», считал, что все менты, особенно бывшие, сплошь алкоголики. К несчастью, это действительно так, а я скорее исключение.

– Правильно! Я тоже не пью. Терпеть не могу алкоголь.

– Потому от тебя жена ушла? – спросил я, а то он что-то стал слишком радостным.

Он не ответил и молчал до самой двери. Дверь была деревянная, выкрашенная масляной краской красно-коричневого цвета – в семидесятых годах самый шик, а сейчас более чем убого. Другие двери были не в пример этой – железные, обитые дорогим дерматином или же просто стальные такого вида, будто бы их из танка не пробьёшь. На многих вместо глазков висели камеры видеодомофонов. Короче, Белковский и здесь казался каким-то чужим и лишним.

– Прошу!

Он пропустил меня вперёд и я вошёл в квартиру. Книги действительно были здесь везде, даже в прихожей. Стеллажи покрывали все стены от пола до потолка, так что не было видно, какого цвета обои. Книги были нашими с Белковским ровесниками – те самые советские собрания сочинений, вышедшие миллионными тиражами с той целью, чтобы в каждой квартире во всей стране были эти одинаковые тома. Никакого разнообразия, зато тогда их всё-таки читали.

Я обратил внимание, что многие полки опустели, а книги лежали на стульях, перевязанные так, чтобы их было легче тащить. Впрочем, ресурсов у Белковского оставалось ещё довольно много. Полгода он протянуть ещё бы смог, если не одумается раньше. Я подумал, что если он не одумается, его слова про «недолго осталось» окажутся пророческими именно по этой причине.

– Проходите в кабинет, – пригласил хозяин, указав на широкие двойные двери в конце длинного коридора.

Кабинет был так же заполнен томами, только если в прихожей стояли Жюль Верн и Джек Лондон, то здесь было место узкоспециальной литературы по средневековой истории. Продать их Белковский не смог бы из-за отсутствия спроса, да и он предпочёл бы умереть с голоду, чем продать книги своего отца-академика. Его портрет висел на самом видном месте, над старым письменным столом, который утончённые натуры называли бы секретером, с зелёной лампой сталинской эпохи. Академик был седовласым мужчиной с курчавой бородой и большим лбом, испещрённым морщинами. На сына он взирал с несколько удручённым выражением. Хотя, быть может, дело было в том, что их любимая рыцарская эпоха давно ушла в прошлое.

Белковский снял бейсболку и я заметил, что он похож на академика, но не внешне – в сыне не было ничего от Сократа, никакой мудрости и величавости – а взглядом, в котором читались какая-то детская бесхитрость и наивность – вечные спутники тех, кто умело уклонялся от жизненной правды и сумел сохранить свои иллюзии в целостности и невредимости. Я подумал, что отцу, быть может, повезло больше, чем сыну: в его время академия наук не подверглась реформам. А может, Белковский-младший всё-таки никогда не достиг бы таких высот из-за отсутствия силы воли.

На одном из стеллажей я увидел его свадебное фото. Невеста была блондинкой, скорее всего, крашеной. Младше его по меньшей мере лет на семь: на снимке десятилетней давности ей было чуть за двадцать. Красавицей невеста явно не была, но фигура всё-таки наводила на мысль, что жениху крупно повезло. Впрочем, лицом она тоже дурна не была, если не считать его полнейшую невыразительность. Даже в свадебном платье вид у девицы был более чем тусклый и безжизненный. У жениха и то была не такая постная физиономия, хоть во фраке он и смахивал на официанта. Короче, свадебный снимок был таким, будто бы мужчина и женщина были статистами из мыльной мелодрамы, изображающими молодожёнов.

Белковский поймал мой взгляд и перевернул фотокарточку лицами к книгам.

– Ты не пробовал снова жениться? – спросил я.

– Нет. Зина вернётся.

– Да? Она не вышла замуж?

– Нет.

– Вы поддерживаете отношения?

– Да. Она мне помогает.

– Значит, она не ушла к другому мужчине?

– Нет. Зина ушла, когда нашла работу в солидной турфирме. «Тропик-люкс», если слышали.

– Слышал, от рекламы уши не закроешь. Только странно это всё. Подумай сам.

– Ничего странного! – вспыхнул Белковский. – Зина приехала в Москву из деревни учиться. Мы познакомились в университете, где я в то время подрабатывал лаборантом. Я помог ей учиться, делал для не шпаргалки. Мы поженились...

– И ты прописал её в квартире?

– Да. Но она вышла за меня не для этого.

– Для девушки из глубинки московская прописка – это мощный стимул. Без неё никто не взял бы её в контору, тем более такую известную.

– Вы её совсем не знаете. Она хорошая.

– Ладно, допустим. Сколько вы прожили?

– Три года.

– Как раз достаточно, чтобы доучиться и найти работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.